

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. В. Бузгалин¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. И. Колганов²,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

«КАПИТАЛ» К. МАРКСА И СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

Исследования современного капитализма значительно продвинулись вперед по сравнению с теоретической картиной, нарисованной К. Марксом в «Капитале», показав нам глубокие изменения тех категорий капитализма, которые изучал Маркс. Однако в этих исследованиях не было предпринято попытки в полной мере воспроизвести метод «Капитала» не было показано диалектическое движение категорий по пути восхождения от абстрактного к конкретному. В данной статье мы пытаемся дать первый набросок использования этого метода применительно к категориям современного капитализма. Мы полагаем, что именно такой подход, начинающийся с исследования модификации самых абстрактных, простейших категорий капитализма, дает возможность в полной мере понять и модификацию более сложных, конкретных категорий капиталистической системы производственных отношений. Таким образом, мы стараемся показать, как изменения в природе товара, рынка, денег ведут к изменениям в природе основного капиталистического отношения и более конкретных форм существования капитала.

Ключевые слова: товар, стоимость, деньги, капитал, конкретное, абстрактное, диалектика.

¹ Бузгалин Александр Владимирович, д.э.н., профессор экономического факультета; e-mail: buzgalin@mail.ru

² Колганов Андрей Иванович, д.э.н., профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета; e-mail: onaglo@mail.ru

«DAS KAPITAL» OF KARL MARX AND THE CONTEMPORARY SYSTEM OF THE CAPITALIST PRODUCTION RELATIONS: THE EXPERIENCE OF THE RISING FROM THE ABSTRACT TO THE CONCRETE

The researches of the contemporary capitalism have ran forward substantially in compare to the theoretical picture have drawn by Karl Marx in «Das Kapital» and show us the deep changes in the categories of the capitalism, which studied by Marx. But in these researches were not attempted to reproduce in full measure the method of «Das Kapital» — it was not shown the dialectical motion of the categories on the path of rising from the abstract to the concrete. In this paper we are trying to give the first sketch of the implementation of this method to the categories of the contemporary capitalism. We guess that just this dimension, starting from the study of the modification of the most abstract, simplest categories of capitalism, give us the possibility to understand in the full extent the modification of the more complex, more concrete categories of capitalist system of the production relations. Thus, we trying to show how the changes in the nature of commodity, of market, of money lead to the changes in the nature of the basic capitalist relation and in the more concrete forms of the existence of capital.

Key words: commodity, value, money, capital, concrete, abstract, dialectic.

По проблематике «Капитала» К. Маркса, в том числе по вопросам трансформации категорий «Капитала» в XX — начале XXI в., написано не так уж мало работ. Это касается и исследований, которые велись в рамках советской политэкономии империализма [Рудакова, 1983; Чибриков, 1979], и работ зарубежных ученых [Arthur, 2002; Harvey, 2014; Ollman, 1976; Sayers, 1985]. Исследовались многие явления: изменения в характеристиках товарного производства в связи с известной концепцией подрыва товарного производства (и, в частности, диффузия стоимости) и денег в условиях позднего капитализма; новые формы эксплуатации; капиталистические формы «экономики, основанной на знаниях»; особенности современного капиталистического цикла; новая роль финансового капитала и т.д. и т.п. Но все эти исследования носили в большинстве случаев частный характер, т.е. рассматривалась одна из этих перечисленных форм, иногда предпринимались попытки провести связь между какими-то из этих явлений, например, между особенностями современного финансового капитала и характером капиталистического строя. Наконец, можно отметить ряд работ, где рас-

сматривалась большая совокупность новых характеристик капиталистического способа производства в сопоставлении с «Капиталом» К. Маркса, но сама методология «Капитала» при этом не воспроизводилась: нам неизвестны работы, в которых бы было проведено *диалектическое развертывание системы категорий, отражающих современное состояние капиталистических производственных отношений на основе использования метода восхождения от абстрактного к конкретному*.

Тем не менее и те работы, которые не основаны на применении данного метода, представляют собой немалую ценность, ибо дают, если можно так выразиться, своего рода необходимый «сырой» материал для решения поставленной задачи.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на принадлежащую перу Иштвана Мессароша книгу «За пределами капитала: к теории преобразования» [Meszaros, 1995] (а также его русскоязычные публикации [Мессарош, 1998, 2000]). Здесь не место анализировать ее содержание — для целей данной статьи важно упомянуть, что Мессарош дает систематическое изложение тех противоречивых тенденций, которые свойственны ряду ключевых элементов капиталистической системы производственных отношений на современном этапе ее развития.

В отличие от него известный географ и социолог Дэвид Харви в своей книге «Пределы капитала»¹ [Harvey, 1982] делает значительный крен в сторону пространственного аспекта изучения движения противоречий современного капитализма. Он стремится показать, как выстраиваются производственные отношения капитализма в центре и на периферии, как эти отношения определяют пространственное движение капитала, судьбу глобальной рабочей силы и формирование соперничества капиталистических держав в мировом хозяйстве.

Специальное внимание сдвигам в производительных силах, свойственным современному капитализму, и их влиянию на трансформацию капиталистических производственных отношений характерно для Андре Горца и Вольфганга Фрица Хауга.

Андре Горц развивает концепцию когнитивного капитализма [Горц, 2010], которая делает упор на резком возрастании в совре-

¹ В этой работе Дэвид Харви во многом предвосхитил конфликты, свойственные капитализму после распада мировой социалистической системы и нового витка глобализации, так что она с полным основанием была переиздана в 1999 и 2006 гг.

менную эпоху присвоения капиталом всеобщей силы человеческого знания. Это, с одной стороны, углубляет эксплуатацию труда капиталом, подчиняя последнему творческие силы человека, его деятельность не только в рабочее, но и в свободное время. С другой стороны, эти же процессы создают предпосылки для формирования коммунистических общественных отношений первоначально в сфере интеллектуального производства. Данная концепция получила уже немалое распространение в научной литературе [Корсани, 2007].

Близкую, но все же отличающуюся позицию излагает в своих работах Вольфганг Фриц Хауг. С его точки зрения, следует делать упор не на одно только производство знаний и информации, а на всю совокупность сдвигов в производительных силах, которые меняют облик современного капитализма, ведя к возникновению новых форм эксплуатации и обеспечения извлечения прибыли. Такой капитализм он именует «хай-тек капитализмом» [Haug, 2003; Хауг, 2008].

Совокупность этих работ (и еще целого ряда марксистских исследований, лежащих в том же русле) дает нам весьма впечатляющую картину эволюции производственных отношений позднего капитализма и изменения тех категорий и понятий, в которых данные отношения отражаются. Тем не менее в одном отношении этим работам присущ общий недостаток с точки зрения марксистского диалектического метода (хотя эти авторы в большей или меньшей степени приверженцы диалектики). Дело в том, что диалектический метод «Капитала» требует брать категории не как рядоположенные, а в их взаимной связи, и не просто во взаимной связи, а в *системе*, отражающей систему производственных отношений. Для того чтобы эту связь показать, не просто решив проблему современной модификации отдельных категорий капиталистического хозяйства, а развернуть действующую систему категорий, воспроизводящую систему «Капитала» на новом уровне развития капитализма, необходимо пройти путь восхождения от абстрактного к конкретному, так же как он был пройден в «Капитале» К. Маркса.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному предполагает, что каждая последующая категория попадает в поле зрения исследователя не произвольно, а выступает как результат снятия противоречий предшествующей и одновременно воспроизведения этих противоречий на новом уровне исследования. Каждый виток снятия и воспроизведения противоречий обогащает научные категории новым содержанием, что и обеспечивает движение от абстрактного, одностороннего знания, к новому, более богатому и более конкрет-

ному [Ильенков, 1960]. Сам Маркс называл именно этот метод «правильным в научном отношении» [Маркс, 1958].

Только так можно проследить и теоретически отобразить реально происходившую и происходящую эволюцию производственных отношений капитализма под влиянием как развития производительных сил, так развертывания собственной внутренней логики противоречий капиталистических производственных отношений. Задачу построения такой системы на основе как обобщения достижений наших предшественников, некоторые из которых были упомянуты выше, так и оригинальных исследований авторов мы поставили в нашей книге «Глобальный капитал», на третье, двухтомное издание которой [Бузгалин, Колганов, 2015, 2015b] мы и будем опираться в данной статье. Однако, как показали обсуждения нашей работы в ряде университетов и исследовательских центров России, а также в Кембридже, Пекине и др. и вышедшие рецензии [Зотова, 2014, 2015; Павлов, 2015; Эпштейн, 2015], читатель в большинстве случаев не обратил внимания на методологические особенности книги, да и мы, что греха таить, далеко не везде акцентировали и четко сформулировали присутствующие там диалектические связки. Восполняя этот недостаток, в данной статье мы постараемся дать примерный набросок подхода к решению поставленной выше задачи применительно к категориям, отражающим взаимосвязь производственных отношений капитализма на современном этапе его развития, проследив одновременно их эволюцию по сравнению с тем состоянием, которое было отражено в «Капитале» К. Маркса.

Историческое развитие капитализма с момента написания «Капитала» К. Маркса прошло несколько ступеней.

Конец XIX — начало XX в. ознаменовались значительным ростом концентрации и централизации капитала, приведшим к образованию промышленных и банковских монополий и формированию на этой основе финансового капитала. Произошло сращивание силы монополий с силой капиталистического государства и, под эгидой последнего, рост экспорта капитала на некапиталистическую периферию, в значительной мере находящуюся под прямым колониальным контролем стран-метрополий. Сформировался территориальный и экономический раздел мира [Ленин, 1969; Гильфердинг, 1922; Гобсон, 1918; Labica, 2007]. Эти изменения опирались на значительное совершенствование производительных сил: развитие средств транспорта и связи, начало формирования методов поточно-массового производства.

Все это ознаменовало собой начало периода *позднего капитализма* — такой стадии развития этого способа производства, на которой дальнейший прогресс последнего возможен только за счет противоречивого включения в ткань социально-экономической жизни ростков посткапиталистических (и, в частности, рыночных, таких как, например, планирование) отношений.

Период после Первой мировой войны ознаменовался дальнейшим прогрессом в производительных силах, что привело к феномену не только массового производства, но и массового потребления. Вместе с ростом численности и квалификации промышленного пролетариата увеличивалась также и инженерно-управленческая прослойка, формировался массовый слой «рядовой» интеллигенции (учителя, врачи, деятели культуры). Эти изменения привели к росту культурного уровня, самосознания, активности и требований трудящихся классов, что, в свою очередь, через череду острых классовых конфликтов потребовало от государства принудить капитал к выработке различных форм социальных компромиссов. Началась диффузия классовой структуры и формирование так называемого «среднего класса», вместе с быстрым прогрессом сфер с бесплатным доступом большинства населения к фундаментальным благам (образование, здравоохранение) и т.п. А дестабилизация воспроизводства капитала в общественном масштабе под влиянием монопольных эффектов потребовала усиления регулирующей роли государства для обеспечения экономического развития. Данные тенденции наиболее полно проявили себя в послевоенный период, в 50–60-е гг. XX в. В это же время происходит вынужденный отказ капитала от применения методов прямого колониального господства и переход к политике неоколониализма.

В результате этих изменений значительная часть экономики была частично выведена из-под действия закона стоимости и рыночных регуляторов. Широкие слои общества стали получать блага не по законам рынка, бесплатно или по фиксируемым ценам. Деньги во всех этих пространствах экономической жизни в определенной мере перестали играть роль меры общественного богатства и средства обмена и распределения благ. Это был второй исторический этап развития позднего капитализма, ознаменовавшийся социализацией экономики. Логически он может быть определен как *подрыв роли денег как всеобщего эквивалента и генезис отношений вне(пост)денежного распределения благ*.

Начиная с 1970–1980-х гг. в экономиках развитых стран стали развиваться заметные структурные сдвиги, опиравшиеся на рост

производительности труда в обрабатывающей промышленности, что привело к переливу рабочей силы из промышленности в сферу услуг. Одновременно развивались процессы капиталистической глобализации и формирования транснационального капитала, приведшие к значительному вывозу промышленного капитала в страны с более дешевой рабочей силой. В этот же период развернулась информационная и телекоммуникационная революция, обеспечившая как совершенствование технологий материального производства, так и создание технологических предпосылок для развертывания глобального финансового рынка. Непрерывное применение новых знаний в экономике приобрело столь существенное значение, что производственный процесс превратился в цепь непрерывных инноваций и критически зависит от производства и распространения новых знаний и информации. В этот период происходит определенный ренессанс либеральных подходов к экономике, сопровождающийся проникновением рыночных принципов в ранее слабо затронутые ими сферы. Сутью этого этапа стала экспансия гегемонии капитала вширь (неолиберальная глобализация) и вглубь (превращение в капитал всех сфер жизни человека и общества, культуры и природы, нашедшее свое отражение в таких категориях, как человеческий и социальный, культурный и природный «капитал»).

Эти сдвиги в совокупности привели к формированию феномена «позднего капитализма», в котором торжество неолиберализма парадоксальным образом сочетается с накоплением предпосылок и элементов самоотрицания капиталистических производственных отношений. Можно даже сказать, что специфика современного «позднего капитализма» заключается именно в том, что он не может существовать, не превращаясь отчасти в свою собственную противоположность.

Каким же образом вся эта цепь трансформаций капитализма может получить отражение в развертывании категорий, опирающемся на метод «Капитала»?

Когда мы обращаемся к проблематике основополагающих, базисных категорий «Капитала» в связи с характеристиками товарного производства и стоимости, то, разумеется, главное, что мы видим, — это подрыв товарного производства в связи с исчезновением универсального феномена свободного конкурентного рынка. То, что товар есть продукт обособленных частных производителей, — эта характеристика в современном капитализме в полной мере уже не действует. Она, разумеется, не отрицается полностью, потому что даже сверхкрупный транснациональный капитал — это част-

ный капитал, и он тоже действует как обособленный частный агент на рынке. Но тем не менее ситуация, когда все производители являются атомизированными, обособленными, независимыми друг от друга и действуют исключительно на свой страх и риск, давно уже не существует как реальность. Причина этого в том, что, с одной стороны, сверхкрупный капитал оказывается способным влиять и на соотношение спроса и предложения, и на динамику цен, и на другие параметры рынка, манипулируя акторами товарно-денежных отношений. С другой — потребители и большая часть производителей оказываются объектами такого манипулирования со стороны корпоративного капитала.

Для обеспечения такого влияния современный крупный капитал опирается не только на высокий уровень концентрации и специализации (формы обобществления, характерные для позднеиндустриального производства), но и на сетевую организацию производства и рынка как общий принцип современного этапа обобществления производства. Последний отчасти вытесняет, а отчасти дополняет прямой контроль через права собственности. В результате гигантские транснациональные капиталы (1) неформально и неявно соединяются в сети акторов «кооперативного капитализма»¹, которые (2) формируют целые сети зависимости, тем самым (3) обретая способность манипулировать менее крупными капиталами, вовлекаемыми в эти сети (без установления прямого контроля), не говоря уже о рядовых потребителях. Так на смену свободному рынку атомизированных производителей приходит *манипуляторный рынок сетей*.

Более того, современный (третий в приведенном выше перечне) этап неолиберального капитализма с его всеобщей коммодификацией и капитализацией всех сфер жизни человека и общества делает этот манипулятивный рынок сетей *тотальным*, выходящим за рамки экономики как таковой.

На этой основе развиваются и другие процессы, связанные с изменением *природы самого товара*, а соответственно и *природы стоимости*. Тот продукт труда, о котором писал Маркс в первой главе, и стоимость которого определялась затратами абстрактного труда на его воспроизводство, т.е. на его регулярное производство, — этот продукт труда сохраняется, но наряду с ним появляются новые своеобразные продукты, о которых невозможно сказать, какова стои-

¹ М. Грейдер, например, подчеркивает, что большинство ведущих мировых мультинациональных корпораций перешло к прагматическому партнерству с конкурентами или активно ищет возможности для создания союзов кооперирующихся фирм [Greider, 1997].

мость их воспроизводства, потому что это продукты уникальные, *невоспроизводимые*. Точно так же наряду с привычным нам товаром, обладающим определенной потребительной стоимостью (полезностью), — все равно вещественной или невещественной (как в случае с услугами) — который, поступая в потребление, в потреблении же уничтожается, возникают своеобразные продукты, которые в потреблении не уничтожаются. Более того, их ценность в потреблении может возрастать. К такого рода необычным товарам относятся вовлекаемые в товарный оборот интеллектуальные продукты и культурные блага.

Во всех этих случаях в основе их создания лежит творческая деятельность — всеобщий труд, который с самого начала и непосредственно является общественно необходимым и который поэтому по определению не может быть частным. Однако он таковым становится в условиях современного рынка, который превращается в тотальный и поглощает феномены, товарами не являющиеся. Такими нетоварами по содержанию, но товарами по форме становятся все результаты творческого труда.

Еще более замысловатой и далекой от исходного содержания формой становится товар-симулякр¹.

В результате всех этих изменений развивается явление, получившее название «*деструкция стоимости*»: стоимостное отношение, охарактеризованное в «Капитале», начинает трансформироваться вследствие зарождения в его содержании элементов других, постстоимостных отношений. Размывание стоимостной основы современного производства своей наиболее глубинной основой имеет изменение характера человеческой деятельности. Возрастание значения деятельности, с одной стороны, не ориентированной на приобретение вещного богатства, а с другой — полностью преодолевающей обособленность частных производителей, означает расширение сферы деятельности, которая содержательно не соответствует стоимостной форме. Однако поскольку товарное производство еще остается господствующей формой производства, постольку, как мы сказали выше, оно надевает стоимостную форму на все виды деятельности, хотя качественная и количественная определенность стоимости при этом размывается.

Происходит предсказанный еще К. Марксом подрыв стоимостной основы производства вместе с возрастанием значения техно-

¹ Подробнее см. раздел «Политическая экономия товара-симулякра» во 2-м томе нашей книги «Глобальный капитал» [Бузгалин, Колганов, 2015b, с. 187–196].

логического применения науки и получаемых с ее помощью новых знаний. Деструкция стоимости как отношения основана на том, что в производстве знаний, как и в производстве симулятивных благ, размываются:

- объективные критерии затрат труда на их производство;
- объективные критерии полезности производимых продуктов.

Деструкция стоимости развивается не только применительно к этим своеобразным товарам (как интеллектуальным продуктам, так и товарам-симулякрам), но и применительно к обычным товарам, потому что в их производстве интеллектуальная составляющая начинает играть все более и более значительную роль по сравнению с обычными затратами труда.

Мы далеки от того, чтобы на этом основании говорить о коренном изменении природы обычного материального продукта, потому что знания, которые применяются в процессе производства, — это неотъемлемая часть трудового процесса. Тем не менее мы видим изменение соотношения между тем, что называется репродуктивным трудом и творческой деятельностью¹, в создании этих материальных продуктов, повышение знаниеемкости материального производства.

Существенно, что все эти трансформации товара и рынка покоятся на существенных изменениях в производительных силах (обобществление в индустриальных сферах, сетевая организация производства, рост роли креативной деятельности).

Подводя итог этим изменениям, главное, на что следует обратить внимание, — это то, что без понимания изменений в системе отношений товарного производства и стоимостных отношений нельзя вполне понять эволюцию и всех остальных понятий — денег, капитала и т.д.

Обычно эволюция денег в условиях современного капитализма исследуется изолированно, как бы «сама по себе». В работах сотен авторов, принадлежащих к разным школам экономической теории, фиксируется, что происходит утрата золотом функции всеобщего эквивалента, что бумажные деньги отрываются от золотой основы, что деньги все более и более приобретают облик не просто кредитных денег, а фиктивного капитала, и т.д., и т.п. Но дело в том, что все это происходит не «само по себе» и не потому, что «так получилось» при капитализме: такое изменение облика денег диктуется, с одной стороны, эволюцией отношений товарного производ-

¹ Подчеркнем: эта пара понятий далеко не во всем совпадает с традиционно используемой в данном случае парой «физический и умственный труд».

ства, эволюцией его характеристик при капитализме, а с другой — эволюцией производительных сил и, в частности, компьютерной революцией. Эти изменения, вызывающие диффузию стоимости, тотальность рынка и его манипулятивно-сетевую организацию, закономерно порождают и соответствующие данному товарному производству деньги. Деньги как всеобщий эквивалент, воплощающий в себе общественный абстрактный труд, меняются вместе с размытием последнего.

Уже в ходе становления классического капитализма происходит переход от денег, основанных на золотом эквиваленте, к кредитным деньгам. Этот переход составлял необходимую основу для дальнейшей эволюции природы денег, когда они из товара — всеобщего эквивалента стали превращаться сначала в момент обращения функциональной формы капитала — денежного капитала, а затем, по мере превращения последнего в обособившуюся форму, — капитала, приносящего проценты. Денежная масса стала определяться в большей мере не потребностями товарно-денежного обращения как такового, а возможностями мобилизации временно свободного денежного капитала для обеспечения процесса накопления и экспансии капитала.

Одновременно с развитием кредитных денег происходит переход от монополии государства на чеканку монеты и на эмиссию бумажных денег к регулированию денежной массы как средству макроэкономического регулирования. Регулирование объема денежной массы стало функцией общественного капитала, передаваемой государству как его представителю. Наряду с *прямой* зависимостью денежной массы от скорости и объема оборота товаров, а затем от объема мобилизации временно свободных капиталов в денежной форме стала приобретать все большее значение *обратная* зависимость роста всего общественного капитала от динамики движения денежной массы, регулируемой государством. Динамика денежной массы, равно как и условия использования ресурсов денег в качестве капитала (величина учетной ставки, операции с государственными ценными бумагами и условия кредита вообще), превратилась в рычаг *сознательного воздействия* на пропорции капиталистического расширенного воспроизводства.

Эти процессы определили разрыв сращенности денег с их золотой оболочкой. Произошла утрата золотом своей роли специфического денежного товара. Динамика производства золота и цены на него стала во все большей мере определяться закономерностями его движения как обычного, а не специфически денежного товара.

Движение денежной массы утратило отчетливую связь с динамикой производства и обращения золота. Золото стало выполнять функцию денежного товара лишь идеально и лишь в той мере, в какой это касается обращения товаров. Однако и эта объективная основа размывается вместе с развитием государственного регулирования денежного обращения (что нашло отражение в концепции фидуциарных денег, стоимость которых зависит от доверия) и вместе с экспансией частной кредитной эмиссии на основе разбухающего оборота фиктивного капитала.

Если значительная часть товаров и капитала имеет в своем основании с точки зрения критериев товарного производства неопределенные, расплывчатые стоимостные свойства (что выражается и в трансфертных ценах внутри ТНК, и в бесплатном обороте благ, и в регулировании цен государством, и в неопределенности стоимости информационных благ, знаний и других культурных продуктов, и в нестоимостной природе оценки симулятивных благ, и в вызванной другими причинами неопределенности стоимости фиктивного капитала), то и выражающий эту «расплывчатую стоимость» товар — всеобщий эквивалент не может сохранить строгую количественную и качественную определенность.

Таким образом, *в современном позднем капитализме нет такого особого товара, который может в полной мере служить всеобщим эквивалентом*, ибо стоимостное бытие любого из них находится под воздействием подрыва отношений товарного производства, оно неустойчиво, виртуально...

Вследствие описанных выше изменений и на основе развития компьютерных технологий, породивших *виртуальное экономическое пространство*, наряду с деструкцией стоимости и на ее основе произошла *деструкция товарного тела денег*. Теперь деньги, приобретающие в значительной мере функцию мировых денег, представлены набором валют и некоторых ценных бумаг и бытийствуют по преимуществу в виртуальном пространстве. Связь этих валют как мировых денег выражена через взаимные колебания их покупательной способности.

Так вырастает свойственное для позднего капитализма *противоречие функции денег как меры стоимости*: с одной стороны, феномен цены по-прежнему существует, и в этой мере деньги продолжают выполнять роль меры стоимостей товаров; с другой — форма денег срастается с формой фиктивного финансового капитала, и «цена» денег (курс валют, покупательная способность и т.п.) становится производной от функционирования мирового финансового

рынка. Последнее, заметим в качестве примера, особенно наглядно проявляется в экономике Российской Федерации, где то, в какой мере рубль выполняет функцию меры стоимости (здесь повтор слова «мера» неслучаен) с очевидностью зависит от параметров мирового рынка и, в частности, цены на нефть.

Из этого противоречия с неизбежностью вытекает и новое *противоречие функции денег как средства обращения*: будучи продуктом фиктивного финансового капитала, деньги одновременно превращаются в сознательно регулируемый инструмент воздействия на экономическую систему. *Деньги — главный автоматический регулятор рынка, его «невидимая рука» — выступают в том же самом отношении и как форма, при помощи которой капиталистическое государство сознательно регулирует капиталистическое производство.*

Напомним, что эти изменения тоже связаны со сдвигами в производительных силах, потому что без современных информационных и телекоммуникационных технологий исполнение этой функции было бы затруднено.

Кроме того, на бытие денег в современном капитализме оказывает влияние выход значительной части экономики из-под прямого воздействия денежного регулятора. Впервые, происходит перераспределение огромных масс стоимости через государственный бюджет по нерыночным или не вполне рыночным критериям. Во-вторых, получает развитие (в сфере интеллектуальных и культурных благ) производство, не ориентированное на денежную выгоду: сектор труда без денежного вознаграждения и сектор бесплатно предоставляемых благ. *Тем самым «всеобщность» денег и как меры богатства, и как средства обмена деятельностью и ее продуктами и в экстенсивном смысле превращается в «ограниченность».*

Оставим в этом тексте в стороне анализ трансформаций других функций денег и сделаем промежуточные выводы: эволюция производственных отношений и производительных сил позднего капитализма приводит к подрыву функций денег и как всеобщей меры стоимости, и как универсального средства обращения.

Как же разрешаются эти противоречия денег?

Напомним читателю, что в системе категорий «Капитала» противоречие денег как качественно безграничных (всеобщий эквивалент и универсальное средство обращения) и количественно ограниченных разрешалось в процессе самовозрастания стоимости, который, в свою очередь, оказывался возможен вследствие появления на рынке товара «рабочая сила», стоимость которого, как правило, меньше, чем стоимость, которую он может создать. Так на арену

экономической жизни у Маркса выходят категории прибавочной стоимости, капитала, наемного труда и эксплуатации. Последняя, напомним, не сводится исключительно к присвоению собственником средств производства прибавочной стоимости (прибыли), но включает и подчинение труда капиталу, основанное, в свою очередь, на отчуждении от работника средств производства, труда и его продукта, а тем самым и его человеческой сущности.

Что же изменяется в этих связях при переходе к позднему капитализму?

Обращаясь к отношениям самовозрастания стоимости, следует обратить внимание на тот факт, что *современный глобальный капитал воспроизводит все формы производства прибавочной стоимости, вплоть до самых архаичных*. С точки зрения пространственной характеристики глобальный капитал сохраняет все предшествующие исторические ступени развития капитализма, и его пространственный срез может выступать как срез истории развития капиталистического способа производства.

Однако развитие капитализма, безусловно, меняет формы бытия самого капитала, формы эксплуатации рабочей силы и соотношение между трудом и капиталом. Мы видим на протяжении всего, скажем, XX в., борьбу между трудом и капиталом, которая в середине века привела к некоторому компромиссу, вызвавшему снижение доли доходов на капитал и увеличение доли трудовых доходов, но этот компромисс оказался неустойчивым, и сейчас капитал отыгрывает свое обратно, возвращая ситуацию, которая была в начале XX в. [Пикетти, 2015]. При этом следует отметить, что капитал теперь эксплуатирует труд не только обычным образом, присваивая плоды прибавочного труда в неоплаченное рабочее время. Капитал, в значительной степени в связи с изменением как раз в содержании самого трудового процесса и ростом его интеллектуальной составляющей, присваивает также результаты применения всеобщих сил человеческого знания.

Как отмечал К. Маркс еще в середине XIX в., при капитализме впервые «...процесс производства выступает не как подчиненный непосредственному мастерству рабочего, а как технологическое применение науки. Поэтому тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства» [Маркс, 1969, с. 206]. Более того, «накопление всеобщих производительных сил общественного мозга поглощается капиталом в про-

тивовес труда и поэтому выступает как свойство капитала» [Маркс, 1969, с. 205].

Содержание и субъект творческой деятельности качественно отличны от содержания и субъекта репродуктивного индустриального труда. Это отличие связано прежде всего с тем, что творчество — это деятельность, неотчуждаемая от ее субъекта. Капитал не может более просто покупать рабочую силу творческого работника, отчуждая его труд от него самого, и потому он вынужден либо ограничиваться покупкой *результата* деятельности фрилансера, либо косвенным образом подчинять себе *самую личность* человека, покупая его «бессмертную душу» — не рукопись, но вдохновение, попирая знаменитое пушкинское «не продается вдохновение...».

В результате использующий креативного работника капитал присваивает не только прибавочную стоимость, но и результат всеобщего творческого труда, часть всеобщего культурного богатства человечества, как бы «огораживая» часть всеобщего и по своей природе неограниченно доступного мира культуры, ограничивая рамками частной интеллектуальной собственности доступ к некоторой его части. Это отношение *по форме* напоминает практику феодализма, когда лендлорд ограничивал доступ к такому всеобщему благу, как земля, получая в результате этого «огораживания» ренту. Содержание описываемого выше отношения отлично от феодального, но их формы не случайно совпадают, что подтверждает практика современного капитализма, где присвоение капиталом интеллектуальной ренты становится одной из основных форм его дохода.

На этом присвоении сейчас покоится значительная часть той экономической мощи, которой обладает современный капитал. Естественно, что эта рента не возникает ниоткуда, это тоже плоды человеческой деятельности, и таким образом, это фактически новая форма экспроприации человеческих качеств, эксплуатации творческого потенциала человека.

Итак, выше мы провели логическую цепочку, *выводя* новое качество отношения «капитал». Мы начали с характеристики изменения характера деятельности, лежащей в основе товарного производства при капитализме, и через иной тип создаваемого продукта, иные характеристики денег, новые качества работника и новые формы бытия капитала пришли к выведению новых форм производства прибавочной стоимости (эксплуатации), соотнося каждый шаг этого восхождения с реалиями современного капитализма и получая всякий раз подтверждение правомочности своих выводов.

Важно обратить внимание при этом и на то, что отношения подчинения человека капиталом (как и товарные отношения) в современных условиях стремятся выйти за пределы собственно производства, обмена и потребления. Капитал прибегает к *паразитизму на социально-культурном бытии человеческого общества*, превращая сферу культуры, сферу социализации человека в художественные, образовательные, социальные и т.п. «фабрики» по производству прибыли. Этот теоретический тезис марксизма в полной мере подтверждается *практиками* современных капиталистических отношений и их отражений в неоклассической теории. Коммерциализация человеческого бытия как целого нашла свое отражение в концепциях «человеческого капитала» и «социального капитала», в методологии «экономического империализма» и в идеологическом наступлении неолиберальной идеологии, провозглашающей «орыночничество» всего, до чего только может дотянуться «невидимая» рука рынка и капитала.

В результате происходит переход к *тотальному контролю капитала над личностью работника как в рабочее, так и в свободное время*. Сегодня в развитых странах капиталистические отношения в конечном счете охватили и преобразовали все фазы воспроизводственного процесса. Начиная с середины XX в., на полностью капиталистическую основу поставлено производство товаров и воспроизводство рабочей силы. Но капитал не ограничивает себя только рабочим временем. Он стремится установить господство над целостным человеком, над всеми его качествами и способностями. С этой целью он внедряет современные достижения технического прогресса и социальных технологий для манипулирования человеком в его свободное время [Mills, 1962], используя рекламу и маркетинг, технологии политического манипулирования, применяя средства массовой культуры для формирования соответствующего сознания и стереотипов поведения человека (формирование культа потребительства). На капиталистическую основу переведены отношения, регулирующие процессы творческой деятельности.

Этому, однако, противостоит противоположная капиталу сила, также изменяющая в некоторой степени свою определенность. Теперь это уже не просто труд наемного рабочего. Альтернативой капиталу становится подчиняемый им мир культуры, все пространство сотворчества. Одновременно и подчиненным капиталу, и противостоящим ему (и в этом единстве противоположностей нет ничего особенного — это «обычная» диалектика) становится тем самым не только наемный рабочий, но и субъект творческой деятельности

во всем ее многообразии — от воспитателя детского сада до ученого, от рабочего-новатора до художника¹.

Более того, капиталу одновременно и подчинен, и противостоит субъект социального творчества — различные организации и движения, представляющие собой институты гражданского общества.

Выделенные выше трансформации рынка, денег и капитала обуславливают и изменения обособившихся функциональных форм капитала. В первую очередь речь идет о ссудном и фиктивном капитале. Сам капитал в значительной степени сейчас приобретает форму финансового капитала (что еще в начале XX в. отмечал Рудольф Гильфердинг [Гильфердинг, 1922] и о чем, подчеркивая сращивание промышленного и банковского капитала, писал тогда же В. И. Ленин [Ленин, 1969, с. 387]), причем финансовый капитал существует в оболочке фиктивного капитала. Не в том смысле, что это не капитал, а в том смысле, что этот капитал принимает форму титула собственности (и титула права на доход), и этот титул собственности начинает самостоятельное движение, отрываясь от основы реального капитала. И в этом смысле он фиктивный.

Ставка процента уже не выступает в качестве «якоря», определяющего центр колебаний рыночных котировок акций, постольку, поскольку в значительной мере разорвана связь между этой котировкой и уровнем дохода на акции. Дивиденд перестал быть основной формой дохода, получаемой от владения акциями, и этот доход стал в большей мере зависеть от динамики рыночных котировок (а не наоборот, как ранее).

Более того, теперь движение фиктивного капитала во многом начинает определять ситуацию на рынке ссудного капитала. Фиктивный капитал воздействует на масштабы и условия предложения ссудного капитала. Кредитные операции, связанные с использованием фиктивного капитала в качестве обеспечения кредита (сделки РЕПО и др.), приобретают все более широкие масштабы, и тем самым уже движение фиктивного капитала становится основой динамики ссудного капитала и влияет на ставку процента.

¹ Этот тезис весьма корреспондирует с выводами А. Грамши о двоякой роли интеллигенции — как субъекта проведения в жизнь гегемонии капитала и как силы, противостоящей ей [Грамши, 1991, с. 168–184]. Практика дает нам массу примеров этой двойственности интеллигенции, которая, с одной стороны, покорно, а в ряде случаев соп атомге прислуживает капиталу, а с другой — противостоит ему. Иногда пассивно, иногда активно, иногда возвышаясь до роли лидеров антикапиталистической борьбы.

Возникновение финансового капитала покоилось на двух фундаментальных процессах. Во-первых, это приобретение денежным капиталом значения обособленной функциональной формы капитала в виде капитала, приносящего проценты (ссудного капитала). Во-вторых, это образование новых форм взаимодействия обособившихся функциональных форм капитала (промышленного и ссудного), основанное на росте концентрации банковского и промышленного капитала, вплоть до приобретения ими монопольного положения, и сращивании этих последних. В результате *финансовые корпорации, как и всякие другие, обретают способность локального манипулирования другими акторами рынка*, а их конкуренция на рынке капитала отчасти дополняется кооперативными соглашениями манипуляторов.

Постольку, поскольку крупный капитал обычно приобретает (еще с середины XIX в.) форму движения в виде фиктивного капитала, постольку и финансовый капитал неразрывно связан с обращением фиктивного капитала. Если же принять во внимание указанное выше изменение соотношения между фиктивным и ссудным капиталом, фиктивный капитал выступает уже как преимущественная и едва ли не определяющая форма бытия финансового капитала.

Рост масштабов финансового рынка, рост обратного воздействия движения фиктивного капитала на динамику ссудного, а затем и финансового капитала, а также усиление воздействия финансового капитала на движение промышленного капитала приводят к возрастанию зависимости движения действительного капитала от движения капитала фиктивного («финансиализация»). Эта зависимость проявляется, прежде всего через «шоттермизм» (доминирование краткосрочных операций) и высокую волатильность (подверженность плохо предсказуемым колебаниям) финансового рынка, создаваемую как раз мировым масштабом и гигантскими размерами его оборота, параметры которого определяются прежде всего оборотом фиктивного капитала и почти полностью отрываются от состояния действительного капитала.

Колебания финансового рынка делают условия привлечения финансовых ресурсов в сферу применения действительного капитала в высокой степени неопределенными, увеличивают финансовые риски для производителей. С другой стороны, возможность получения прибыли за счет взлета курсовой стоимости акций ориентирует многие компании не на увеличение эффективности производства и продаж, а на манипуляции, имеющие чисто имиджевый эффект,

и призванные воздействовать на повышение (хотя бы кратковременное) курса акций. Происходит перераспределение активов промышленных компаний в пользу инвестиций на финансовом рынке, и извлекаемая на этом рынке прибыль начинает опережать доходы от основной деятельности [Levina, 2014].

Отрыв фиктивного капитала от своей реальной основы и его относительно самостоятельное движение приобретают в последние десятилетия такие масштабы, которые говорят уже о некотором качественном сдвиге. Такое положение придает фиктивному капиталу, обращающемуся на глобальном финансовом рынке, свойства *виртуального капитала* — слабо осязаемой реальности, подверженной изменениям практически независимо от процессов, происходящих в мире реального капитала. Однако этот виртуальный капитал обладает существенным влиянием на то, что происходит в действительном мире.

Виртуальный капитал есть капитал *принципиально неопределенный*: мы не можем сказать, какая капитальная стоимость за ним стоит и стоит ли она вообще.

Эта характеристика оказывает очень сильное обратное влияние на процесс воспроизводства реального капитала: последний вследствие этого получает весьма дезориентирующие сигналы со стороны финансового рынка, и процесс накопления и воспроизводства капитала тем самым получает характеристику принципиальной неопределенности [Minsky, 1992].

Виртуальный капитал (который неизвестно, то ли есть, то ли нет и в каком масштабе) сыграл свою позитивную роль в экспансии капитализма, снимая противоречия перенакопления капитала в реальном секторе и перенося их на финансовый рынок, создавая там фиктивный спрос, раздувая пузыри и пирамиды и тем самым расширяя пределы экспансии капитала за те рамки, которые он имел раньше и которые ограничивались кредитной системой. Но одновременно виртуальный капитал дестабилизирует процесс воспроизводства, лишая его прочных, четких ориентиров, и в конце концов тот факт, что этот виртуальный капитал на самом деле не может существовать без основы в виде реального производства прибавочной стоимости реальным капиталом, — мстит за себя, вызывая обрушение этих пирамид, лопание пузырей и финансовый кризис.

Как это и свойственно развитой системе производственных отношений, основание здесь превращается в следствие, а следствие порождает свое основание. В результате в условиях позднего капитализма денежная система выступает как продукт функционирования

виртуального капитала. Неопределенность стоимостного бытия денег, определяемая еще деструкцией стоимости в самом абстрактном основании системы капиталистических производственных отношений (в характеристиках товара, стоимости, абстрактного труда), удаивается той формой, которую надевает на деньги виртуальная природа бытия фиктивного капитала.

Выше авторами был дан только краткий набросок прохождения по цепочке восхождения от абстрактного к конкретному и прослежены далеко не все взаимосвязи в развитии производственных отношений позднего капитализма и далеко не все движение противоречий этих отношений и соответственно категорий в их развертывании от более абстрактных к более конкретным. Но задача данной статьи в принципе состояла в том, чтобы лишь обрисовать контур проблем и сделать акцент: современная классическая политическая экономия призвана дать системное отображение тех изменений в содержании категорий «Капитала», которые бы адекватно отражали изменения в содержании и формах отношений капитализма, происходящие в современных условиях; и подчеркнуть, что это отображение должно быть построено на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному. Только такое системное изложение позволит нам понять современный капитализм на уровне, хотя бы близком к тому, на котором мы понимаем классический капитализм при помощи труда Карла Маркса.

Список литературы

1. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал. В 2 т. Т. 1. Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. — М.: ЛЕНАНД, 2015.
2. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал. В 2 т. Т. 2. Теория: глобальная гегемония капитала и ее пределы (Капитал re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. — М.: ЛЕНАНД, 2015b.
3. *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. — М.: Гос. изд-во, 1922.
4. *Гобсон Дж.* Империализм. — Харьков, 1918.
5. *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
6. *Грамыши А.* Возникновение интеллигенции // Искусство и политика. В 2 т. Т. 1. — М.: Искусство, 1991.
7. *Зотова Е. С.* Анатомия глобального капитала: взгляд сквозь призму философии хозяйства // Философия хозяйства. 2014. № 6.

8. *Зотова Е. С.* Анатомия глобального капитала: взгляд сквозь призму философии хозяйства-2 // *Философия хозяйства*. 2015. № 1.
9. *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.
10. *Корсани А.* Капитализм, биотехнология и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // *Логос*. 2007. № 4.
11. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма // *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 27. — М.: Издательство политической литературы, 1969.
12. *Маркс К.* Введение (из экономических рукописей 1857–1858 годов) // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 12. — М.: Политиздат, 1958.
13. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1858 годов // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 46. Ч. II. — М.: Издательство политической литературы, 1969.
14. *Мессарош И.* Марксизм сегодня // *Альтернативы*. 1998. № 2.
15. *Мессарош И.* Вызовы нашему времени // *Альтернативы*. 2000. № 2.
16. *Павлов Р. Н.* Новое время в зеркале «Капитала» (рецензия на книгу А. В. Бузгалина и А. И. Колганова «Глобальный капитал») // *Экономическая наука современной России*. 2015. № 1.
17. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
18. *Рудакова И. Е.* Методологические проблемы теории империализма. — М.: Изд-во МГУ, 1983.
19. *Хауг В. Ф.* Глобализация, хайтек-капитализм и будущее марксизма // *Альтернативы*. 2008. № 2.
20. *Чибриков Г. Г.* Роль современных международных монополий в процессе интернационализации капитала и производства. — М.: Изд-во МГУ, 1979.
21. *Энштейн Д. Б.* Эссе о Перформансе по поводу книги «Глобальный капитал» (о презентации книги А. В. Бузгалина и А. И. Колганова «Глобальный капитал» 29 октября и 1 декабря 2014 года) // *Вопросы политической экономики*. 2015. № 1.
22. *Arthur Ch. J.* The New Dialectic and Marx's Capital. — Leiden-Boston: Brill, 2002.
23. *Greider M.* One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. — New York: Simon&Schuster, 1997.
24. *Harvey D.* The Limits to Capital. — Oxford: Basil Blackwell; Chicago: University of Chicago Press, 1982.
25. *Harvey D.* Seventeen Contradictions and the End of Capitalism. — Oxford University Press, 2014.
26. *Haug W. F.* High-Tech-Kapitalismus: Analysen zu Produktionsweise, Arbeit, Sexualität, Krieg & Hegemonie. — Berlin: Argument, 2003.
27. *Labica G.* From Imperialism to Globalization // *Lenin Reloaded: Towards a Politics of Truth* / Edited by Sebastian Budgen, Stathis Kouvelakis, and Slavoj Zizek. — Durham & London: Duke University Press, 2007.

28. *Levina I.* A Puzzling Rise in Financial Profits and the Role of Capital Gain-Like Revenues. Political Economy Research Institute, University of Massachusetts, Amherst. Workingpaper Series. Number 347. 2014.
29. *Meszaros I.* Beyond Capital: Toward a Theory of Transition. — London: Merlin Press; New York: Monthly Review Press, 1995.
30. *Mills Ch. Wr.* The Marxists. — N. Y.: Dell Publishing Co., 1962.
31. *Minsky H.* The Financial Instability Hypothesis. Working Paper № 74. — N.Y.: The Jerome Levy Economics Institute of Bard College, May 1992.
32. *Ollman B.* Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. 2nd ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
33. *Sayers S.* Reality and reason: dialectic and the theory of knowledge. — Oxford: Blackwell, 1985.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Buzgalin A. V., Kolganov A. I.* Global'nyj kapital. V 2 t. T. 1. Metodologija: Po tu storonu pozitivizma, postmodernizma i jekonomicheskogo imperializma (Marks re-loaded). Izd. 3-e, ispr. i sushh. dop. — M.: LENAND, 2015.
2. *Buzgalin A. V., Kolganov A. I.* Global'nyj kapital. V 2 t. T. 2. Teorija: Global'naja gegemonija kapitala i ee predely (Kapital re-loaded). Izd. 3-e, ispr. i sushh. dop. — M.: LENAND, 2015b.
3. *Gil'ferding R.* Finansovyy kapital. Novejshaja faza v razvitii kapitalizma. — M.: Gos. izd-vo, 1922.
4. *Gobson Dzh.* Imperializm. — Har'kov, 1918.
5. *Gorc A.* Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital. — M.: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshej shkoly jekonomiki, 2010.
6. *Gramshi A.* Vozniknovenie intelligencii // Iskusstvo i politika: v 2 t. T. 1. — M.: Iskusstvo, 1991.
7. *Zotova E. S.* Anatomija global'nogo kapitala: vzgljad skvoz' prizmu filosofii hozjajstva // Filosofija hozjajstva. 2014. № 6.
8. *Zotova E. S.* Anatomija global'nogo kapitala: vzgljad skvoz' prizmu filosofii hozjajstva-2 // Filosofija hozjajstva. 2015. № 1.
9. *Il'enkov Je. V.* Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v «Kapitale» Marksa. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1960.
10. *Korsani A.* Kapitalizm, biotekhnika i neoliberalizm Informacija k razmyshleniju ob otnoshenijah mezhdju kapitalom, znanijem i zhiznju v kognitivnom kapitalizme // Logos. 2007. № 4.
11. *Lenin V.I.* Imperializm, kak vysshaja stadija kapitalizma // *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. T. 27. — M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969.
12. *Marks K.* Vvedenie (iz jekonomicheskikh rukopisej 1857–1858 godov) // *Marks K., Jengel's F.* Soch. 2-e izd. T. 12. — M.: Politizdat, 1958.
13. *Marks K.* Jekonomicheskie rukopisi 1857–1858 godov // *Marks K., Jengel's F.* Soch. 2-e izd. T. 46. Ch. II. — M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969.

14. *Messarosh I.* Marksizm segodnja // Al'ternativy. 1998. № 2.
15. *Messarosh I.* Vyzovy nashemu vremeni // Al'ternativy. 2000. № 2.
16. *Pavlov R. N.* Novoe vremja v zerkale «Kapitala» (recenzija na knigu A. V. Buzgalina i A. I. Kolganova «Global'nyj kapital») // Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii. 2015. № 1.
17. *Piketti T.* Kapital v XXI veke. — M.: Ad Marginem Press, 2015.
18. *Rudakova I. E.* Metodologicheskie problemy teorii imperializma. — M.: Izd-vo MGU, 1983.
19. *Haug V. F.* Globalizacija, hajtek-kapitalizm i budushhee marksizma // Al'ternativy. 2008. № 2.
20. *Chibrikov G. G.* Rol' sovremennyh mezhdunarodnyh monopolij v processe internacionalizacii kapitala i proizvodstva. — M.: Izd-vo MGU, 1979.
21. *Epshtejn D. B.* Jesse o Perfomanse po povodu knigi «Global'nyj kapital» (o prezentacii knigi A. V. Buzgalina i A. I. Kolganova «Global'nyj kapital» 29 oktjabrja i 1 dekabrja 2014 g.) // Voprosy politicheskoi jekonomii. 2015. № 1.